

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.29>

Галочкина Татьяна Анатольевна

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ 'Л?ПЫЙ', 'Л?ПОДРЪВЪ' В ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕРЕВОДЕ V КНИГИ "ХРОНОГРАФИИ" ИОАННА МАЛАЛЫ

В статье рассматриваются особенности лексических значений слов "л?пый", "л?подръвъ" в древнерусском переводе V книги "Хронографии" Иоанна Малалы. Существующая проблема толкования славяно-русских слов в древнерусских памятниках вызывает необходимость анализа лексических значений этих слов на основе современных представлений о древнерусском языке. Полученные результаты показывают, что в исследуемом памятнике прилагательное "л?пый" обладает широким спектром лексических значений, то есть является гиперсемантизированным, а также позволяют толковать прилагательное "л?подръвъ" на основе определения его источника.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 138-141. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Дата поступления рукописи: 29.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.29>

В статье рассматриваются особенности лексических значений слов «лѣпый», «лѣподрѣвъ» в древнерусском переводе V книги «Хронографии» Иоанна Малалы. Существующая проблема толкования славяно-русских слов в древнерусских памятниках вызывает необходимость анализа лексических значений этих слов на основе современных представлений о древнерусском языке. Полученные результаты показывают, что в исследуемом памятнике прилагательное «лѣпый» обладает широким спектром лексических значений, то есть является гиперсемантизированным, а также позволяют толковать прилагательное «лѣподрѣвъ» на основе определения его источника.

Ключевые слова и фразы: «лѣпый»; «лѣподрѣвъ»; древнерусский перевод V книги «Хронографии» И. Малалы; переводческая деятельность в Древней Руси; гиперсемантизация.

Галочкина Татьяна Анатольевна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова

tgalochkina27@gmail.com

АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ «ЛѢПЫЙ», «ЛѢПОДРѢВЪ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕРЕВОДЕ V КНИГИ «ХРОНОГРАФИИ» ИОАННА МАЛАЛЫ

Научный интерес к изучению древнерусских памятников обусловлен тем, что их исследование расширяет знания о русском литературном языке. К. А. Максимович пишет: «В начале XX в. работы А. И. Соболевского и В. М. Истрина положили начало новому направлению в славистике – изучению древнерусских переводов с греческого. <...> В советской науке это направление продолжал Н. А. Мещерский и его ученики» [5, с. 92].

Целью данной статьи является толкование лексических значений прилагательных *лѣпый* и *лѣподрѣвъ* V книги «Хронографии» Иоанна Малалы на основе современных представлений о древнерусском литературном языке. Для достижения этой цели проведен сравнительно-сопоставительный анализ лексических значений данных прилагательных со значениями их греческих соответствий в Оксфордском списке «Хронографии».

Актуальность исследования заключается в решении проблемы толкования лексических значений прилагательного *лѣпый* и установления его дополнительных значений, отсутствующих в лексикографических изданиях, а также описания семантики и формирования композита *лѣподрѣвъ* с учетом его греческого соответствия.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые проведен сравнительно-сопоставительный анализ лексических значений славяно-русских прилагательных *лѣпый* и *лѣподрѣвъ* с использованием их греческих соответствий.

В лексикографических изданиях приведены следующие значения для прилагательного *лѣпый*: красивый, хороший, прекрасный, превосходный, выдающийся, годный, приличный, уместный, полезный, необходимый, подобающий, надлежащий, должный [8, с. 458; 9, с. 210; 11, стб. 74].

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ отрывков переводной древнерусской литературы с их греческими оригиналами (Изборник 1076, «Александрия», «Пчела», «История иудейской войны», «Хронография» Иоанна Малалы, Повесть о Валааме и Иоасафе, «Хроника» Георгия Амартола, «Житие Андрея Юродивого», «Житие Василия Нового», Мученичество св. Ирины Македонской (Успенский сборник), «Богословие» Иоанна Дамаскина, Острожская Библия и др.), в которых употребляется прилагательное *лѣпый*, позволил установить, что оно соотносилось с 18 греческими лексемами, из которых шесть приходится на V книгу «Хронографии» И. Малалы (установлено автором статьи. – Т. Г.).

Чаще прилагательное *лѣпый* употреблялось «в переводах канонических текстов в значении «подобающий, надлежащий», так что выражения типа «лѣпые дары» (Ефр. кормч, с. 594) понимаются как «подобающие дары»» [4, с. 375]. Реже оно встречалось в значении «красивый, привлекательный»: «благодать якоже и лоуна, егда свершится, тогда *лѣпа* бывает» (ἡσελήνη καλή (Мах. Conf. p. 556)) [7, с. 89]. Или, например, отрывок из мученичества Св. вмч. Ирины Македонской: «Бѣаше же дъщи ему *лѣпа* и *прѣлѣпа* видѣниемъ и красьна тѣльмъ» [13, с. 135]; «ἦν δὲ αὐτοῖς θυγάτριον, ἧ ὄνομα Πενελοπῆ. ἀστείου δὲ ὄντος τοῦ πατρὸς καὶ πάντο εὐμορφότατον» [21, р. 116]. / «У них была дочь по имени Пенелопа, которая с детства отличалась прелестной внешностью и красивой наружностью» (здесь и далее перевод автора статьи. – Т. Г.).

Для анализа лексических значений прилагательного *лѣпый* достаточно интересен древнерусский перевод V книги «Описание Троянской войны» «Хронографии» (Χρονογραφία) И. Малалы. Мы сравнили отрывки из Архивского хронографа с Оксфордским списком «Хронографии».

Первые исследователи древнерусского перевода Хроники отмечали расхождения между древнерусским и греческим текстами (Оксфордским списком). Причина этих расхождений до конца неясна, хотя нельзя исключать, что она кроется в свободной манере перевода или в версии греческого текста, послужившего аналогом для древнерусского перевода Хроники [12, с. 14]. Однако расхождения портретных характеристик в Оксфордском списке и древнерусском, где фиксируется данное прилагательное, минимальны.

М. И. Чернышева отмечает, что «вопрос о месте словесных портретов в “Хронографии” Иоанна Малалы и во всей средневековой греко-славяно-латиноязычной литературе еще ждет своего исследователя. До сих пор анализ портретов у Малалы проводился на материале одного текста – либо греческого, либо его славянского перевода... осталась без внимания существенная проблема: как выработывались способы перевода портретных

характеристик в “Хронике” Иоанна Малалы и каков их лексический состав... Портретная лексика, сравнительно редкая в ранневизантийской литературе, из-за своей необычности была сложной лингвистической задачей для славянского переводчика» [14, с. 57-59].

По семантическому признаку прилагательное *льный* представляет собой тип одно-многозначных соответствий, характеризующийся тем, что исходное слово, имея вполне определенное значение в греческом языке, переводится многозначным словом обычно абстрактно-положительной характеристики. Одно-многозначный тип перевода представлен немногочисленными примерами, однако он характерен для перевода портретной лексики И. Малалы [Там же, с. 64-65].

В тексте нами выделены девять отрывков, описывающих привлекательную внешность и особые способности персонажей книги.

1. «Поподоклиа (Брисеида) же бѣ высока, чиста, добрососа, *льна*» [2, с. 8]; “ἡ Βρισηὶς ἦν μακρὴ, λευκὴ, καλλιμασθος, εὔστολος” [20, р. 189]. / «Брисеида была высокая, светлокожая, с красивой грудью, хорошей фигурой». *Εὔστολος* ‘хорошо снаряженный, приличествующий, хорошо сложенный, обладающий красивым телом’ (compactly built; of a human frame) [18, р. 576]. Следует отметить, что Лэмп приводит значение ‘хорошо сложенный, обладающий красивым телом’ для прилагательного *εὔστολος*, ссылаясь именно на «Хронографию» И. Малалы [Ibidem].

2. «Протесилауось... высокъ, *льподръвь*, храборъ» [2, с. 10]; “ὁ Πρωτεσίλαος... μακρὸς, εὔθετος, τολμηρὸς” [17, р. 265]. / «Протесилай был высокий, крепкого телосложения, смелый».

В греческом тексте, начиная с описания Агамемнона и заканчивая Паламедом, имеется лакуна. Портрет Протесилая находится в отсутствующем отрывке. Частично эту лакуну можно восполнить по тексту Исаака Порфирородного “De praetermissis ab Homero” («О пропусках у Гомера»), так как описания троянских героев в этом произведении взяты из «Хронографии» И. Малалы [Ibidem]. После восстановления утраченного отрывка значение прилагательного *льподръвь* можно идентифицировать путем его сопоставления с греческим композитом *εὔθετος*. Исходя из этого, можно предположить, что *льподръвь* является семантической словообразовательной калькой, где первый компонент *льп-* соотносится с греч. *εὖ-* (от прил. *εὖς*), а *дрвь* – с греч. *θετος*.

В словаре Лидделл – Скотта *εὔθετος* означает «о человеке: ‘хорошо приспособленный’» [19, р. 601]. У Лэмпа: «...хорошо устроенный, оснащенный; о внешности: *плотно сбитый?* в “Хронике”» [18, р. 564]. Лэмп указывает, что значение греческого прилагательного не вполне ясно.

Рассмотрим у данного композита его второй компонент *θετος*. В словаре Лидделл – Скотта отглагольное прил. *θετος* (от *τίθημι*) – «расположенный, установленный (opp. to ἄθετος)»; «усыновленный, удочеренный»; «притворный»; «как subst. деталь женского головного убора» [19, р. 673]. Однако у прил. *ἄθετος* (от *τίθημι*) мы находим значения: «беспомощный, нездоровый, непригодный по состоянию здоровья» [Ibidem, р. 30]. Таким образом, хотя у прил. *θετος* значение *здоровый* в словаре Лидделл – Скотта отсутствует (Лэмп данное прил. не приводит), это значение для него условно можно восстановить, так как у прил. *ἄθετος* отмечается антонимное значение *нездоровый*.

Предполагаемое нами значение греческого прилагательного *θετος* вполне согласуется с выводами Ж. Ж. Варбот о славянском прилагательном *льподръвь*, являющемся семантической словообразовательной калькой *εὔθετος*. Ж. Ж. Варбот рассматривает прилагательное *льподръвь* «как сложение, где первый компонент восходит к *lǫp- ‘хороший, добрый, красивый’, а второй –dǫrvъ – является продолжением корня, представленного в sъ-dǫrvъ, но с иной огласовкой». «Таким образом, отношение *sъdǫrvъ – лѣподръвь может быть случаем варьирования модели сложного слова вследствие диахронического обновления, актуализации его структуры, но на базе сохранения первичной мотивации» [16, с. 221].

Вероятно, создание этой кальки связано с желанием разнообразить и обогатить текст новыми образованиями. Ср. в описании Протесилая прилагательное *льподръвь* соответствует греч. *εὔθετος*, а в портрете Гелена все той же греческой лексеме *εὔθετος* будет уже соответствовать прилагательное *льный*.

3. «Еленось высокъ, *льнь*, чистъ» [2, с. 12]; “Ἐλενος μακρὸς, εὔθετος, λευκός” [20, р. 196]. / «Гелен был высокий, крепкого телосложения, светлокожий».

4. «Идаменеоусь... *стрълецъ льнь*» [2, с. 11]; “Φιλοκτῆτης... τοξότης εὔστοχος” [20, р. 192]. / «Филоктет был... метким стрелком». *Εὔστοχος* ‘меткий, искусный стрелок’ [19, р. 616]. У Лэмпа данное прилагательное отсутствует.

5. «Приамос тѣломъ высокъ... *льнь*» [2, с. 12]; “Πρίαμος τῆ ἡλικίᾳ αὐεὐμήκοϛ... κατασταλμένος” [20, р. 193]. / «Приам был пожилого возраста... сдержанный». *Κατασταλμένος* (part. perf. pass.) ‘спокойный, невозмутимый, уравновешенный, сдержанный’ [18, р. 720].

6. «Парисъ, еже есть Александръ... радостивъ, *льнь*, доброходень» [2, с. 12]; “Πάρις καὶ Ἀλέξανδρος... εὐχαρῆς, ἐλλόγιμος, εὐκίνητος” [20, р. 196]. / «Парис – он же Александр – был обворожительным, искусным в словах, ловким». *Ἐλλόγιμος* ‘славный, избранный (в т.ч. Богом); искусный в словах’ [18, р. 452].

7. «Антиноръ... многосвѣды, *льнь*» [2, с. 12]; “Ἀντήνωρ... πολυίστωρ, ἐλλόγιμος” [20, р. 196]. / «Антинор был ученым мужем, искусным в словах».

8. «Андромахи среднаа, тонка, *льна*» [2, с. 12]; “Ἀνδρομάχη διμοιρίαία, λεπτὴ, εὔστολος” [20, р. 196]. / «Андромаха была среднего роста, стройная, благовоспитанная».

9. «Полузнъ руманыма оустнама, *льна*» [2, с. 12]; “Πολυξένη... ἀνθηρόχειλος” [20, р. 196]. / «У Поликсены были губы, подобные цветам». *Ἀνθηρόχειλος* ‘с губами подобными цветам’ [18, р. 137]. У Лидделл – Скотта прилагательное *ἀνθηρόχειλος* отсутствует.

Пропуски портретных характеристик персонажей, контаминация портретов, а также соотнесение описываемого нами прилагательного *льный* с шестью греческими лексемами (*ἀνθηρός*, *ἐλλόγιμος*, *εὔθετος*, *εὔστολος*,

εἴθετος, κατασταλμένος) и композита *лъподръвъ*, соответствующего греческой лексеме *εἴθετος*, могли использоваться переводчиком сознательно вследствие сложности их перевода. Тем не менее М. И. Чернышева отмечает, что «подавляющее большинство “пропущенных” греческих эпитетов имело славянские эквиваленты, то есть они не были непонятными для переводчика. Следовательно, либо указанные характеристики отсутствовали в несохранившемся до нашего времени греческом списке “Хронографии”, послужившем оригиналом для перевода, либо отдельные славянские эквиваленты были пропущены в процессе переписывания памятника. Однозначного решения этого сложного вопроса, видимо, нельзя предложить, поскольку есть портреты, количество эквивалентов в которых точно совпадает с количеством исходных греческих характеристик» [15, с. 227]. Но, если принять тот факт, что в арсенале переводчика были эквиваленты для передачи пропущенных греческих эпитетов, а пропуски – возможное некорректное переписывание памятника или же его вынужденное сокращение, то как объяснить, что в сохранившихся частях текста, при наличии эквивалентов, не нашлось дополнительных эпитетов кроме *лъный* для шести греческих лексем? Причину сложившейся ситуации можно объяснить различиями в славянской и греческой культурах. Так, А. И. Соболевский, описывая первые славянские переводы богослужебных текстов, заключал, что славянские переводчики иногда «плохо понимали греческий язык... Живой славянский язык, которым они владели, оказывался недостаточным для передачи оригинала... Сложные греческие слова при точной их передаче славянскими также сложными словами нередко теряли весь свой смысл, то есть славянские слова, сочиненные переводчиками, были для славян непонятными, лишенными всякого смысла... вследствие чего без греческого подлинника некоторые из них даже для современного образованного человека совершенно неудобопонятны» [10, с. 25-26]. Вероятно, переводчик пытался расширить рамки своих переводческих возможностей и обогатить текст путем создания нового сложного образования (попытка соотнесения одной греческой лексемы *εἴθετος* с двумя древнерусскими словами: *лъный* и *лъподръвъ*), используя «лексическое и аффиксальное богатство своего родного языка» [6, с. 126].

Действительно, греческий язык по отношению к древнерусскому языку обладал большей лексической силой для смысловой передачи текста. «Лексическая сила» греческого языка по отношению к древнерусскому могла проявляться:

1. В отсутствии славянского или древнерусского эквивалента греческому слову. В этом случае переводчик оставлял греческие слова без перевода. Ср. «Дамаскина архиерея Студита Собрание от древних философов о неких собствах естества животных». Часть имен – названий животных – была оставлена без перевода: *ихневмонь* (гр. *ἰχνεύμων*) – фараонова мышь; *харадрь* (гр. *χαραδρίος*) – болотная птица; *ивь* (гр. *ἴβις*) – ибис и др. [1, с. 88].

2. В гиперсемантизации древнерусского слова (термин «гиперсемантизация древнерусского слова» введен автором статьи. – Т. Г.). Переводчику подчас приходилось сталкиваться с многочисленными семантическими трудностями. Так, А. М. Камчатнов пишет, что «слово в памятниках древнерусской письменности характеризуется анархической многозначностью, усугубленной влиянием греческих текстов, переводимых в Древней Руси» [3, с. 61].

С учетом многозначности древнерусских слов составлен словарь И. И. Срезневского, так как толкования слов в этом словаре связаны с определенным контекстом. В разных контекстах одно и то же слово может иметь совсем иное значение. Благодаря предложенному И. И. Срезневским толкованию слов имеется возможность понять значение древнерусского слова в контекстах [Там же, с. 62]. Используя этот подход, то есть толкование значения прилагательного *лъный* с учетом конкретного контекста, мы выявили дополнительные значения этого прилагательного: *хорошо сложенный, меткий, спокойный, уравновешенный, искусный в словах, славный, изысканный, цветущий*.

Проведенный анализ показал, что прилагательное *лъный* имеет широкий спектр лексических значений. Данное прилагательное, семантика которого формировалась под влиянием греческого языка, соответствовало 18 греческим лексемам, что позволяет сделать вывод о его гиперсемантизированнойности. В ходе исследования выявлены дополнительные значения прилагательного *лъный*, отсутствующие в лексикографических изданиях: *хорошо сложенный, меткий, спокойный, уравновешенный, искусный в словах, славный, изысканный, цветущий*.

Источником композита *лъподръвъ* являлось греческое прилагательное *εἴθετος*, что дает основание толковать славяно-русское прилагательное как ‘пышущий здоровьем’.

Многозначность прилагательного *лъный* и неоднозначность толкования прилагательного *лъподръвъ* были обусловлены различиями в славянской и греческой культурах и потребностью в наполнении славянской лексики аналогами словам греческих текстов при переводе их на древнерусский язык.

Список источников

1. Белова О. В. Малоизученный памятник «Собрание о неких собствах естества животных» Дамаскина Студита в славянской рукописной традиции (к проблеме рецепции греческого текста в книжности восточных и южных славян) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М.: Наследие, 1998. С. 82-91.
2. Истрин В. М. Хроники Иоанна Малалы в славянском переводе // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1910. Т. 9. Кн. 5. С. 1-51.
3. Камчатнов А. М. О семантическом словаре древнерусского языка // Вопросы медиэвистики. 2000. № 1 (1). С. 61-65.
4. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
5. Максимович К. А. Культурно-историческое значение древнерусских переводов с греческого языка // Ελληνο-Ρωσικό Κοινωνικό Forum. Ag. Petroupoli, 2009. С. 92-96.
6. Низаметдинова Н. Н. Сложные слова в русском языке XI-XVII вв.: словообразовательная структура, семантика, морфемика: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 264 с.

7. Семенов В. А. Древняя русская пчела по Пергаменному списку. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. 444 с.
8. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1991. Т. IV. Изживати – Моление. 559 с.
9. Словарь русского языка XI-XVII вв. / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1981. Вып. 8. Крада – Лящина. 351 с.
10. Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980. 193 с.
11. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3-х т. СПб., 1902. Т. 2. Л – П. 1802 стб.
12. Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л.: Наука, 1975. 320 с.
13. Успенский сборник XII-XIII вв. / изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. 770 с.
14. Чернышева М. И. Замечания о приемах перевода портретной лексики из «Хроники» Иоанна Малалы // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв.: сборник статей. М.: Наука, 1982. С. 57-66.
15. Чернышева М. И. К характеристике славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы (роль иноязычных вкраплений) // Византийский временник. 1983. Т. 44. С. 221-226.
16. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. Вып. 14. *labati – *lěteplъjъ. 268 с.
17. Jeffreys E., Croke B., Scott R. Studies in John Malalas. Leiden: Brill, 2017. 412 p.
18. Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Oxford University Press, 1961. 1568 p.
19. Liddell H. G., Scott R. Greek-English Lexicon. N. Y.: Harper & Brothers, 1883. 1776 p.
20. Malalas I. Chronographus Byzantinus // Patrologia graeca. 1865. Т. 97. P. 65-714.
21. Wirth A. Danae in Christlichen Legenden // Μάρτυρος Ειρήνης. Praga – Wien – Leipzig: Tempsky, 1892. P. 113-148.

**LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF THE WORDS *лѣпый*, *лѣподръвъ*
IN THE OLD RUSSIAN TRANSLATION OF JOHN MALALA'S "CHRONOGRAPHIA" BOOK V**

Galochkina Tat'yana Anatol'evna

*I. M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
tgalochkina27@gmail.com*

The article examines the lexico-semantic peculiarities of the words *лѣпый*, *лѣподръвъ* in the Old Russian translation of John Malala's "Chronographia" Book V. The existing problem of interpreting the Slavonic-Russian words in the Old Russian texts causes the necessity to analyse lexical meanings of these words relying on modern conceptions about the Old Russian language. The results show that the adjective *лѣпый* has a wide range of lexical meanings; it's a case of hypersemantization. The conclusion is made that the lexical meaning of the adjective *лѣподръвъ* could be identified relying on the etymological analysis.

Key words and phrases: 'лѣпый'; 'лѣподръвъ'; Old Russian translation of John Malala's "Chronographia" Book V; translation activity in Old Russia; hypersemantization.

УДК 81-119

Дата поступления рукописи: 23.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.30>

Рассматривается проблема разграничения синонимов «реальный» и «настоящий» в составе выражений «реальные пацаны», «реальный папа» и «настоящий мужчина» с позиций теории интегрального описания языка, разработанной Московской семантической школой, исследования которой пользуются в настоящее время большой популярностью у китайских лингвистов. Анализируются типичные контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка и газеты «Коммерсантъ», в которых употребляются данные языковые факты; выявлены особенности характера и поведения людей, которые номинируются указанными выражениями.

Ключевые слова и фразы: синонимы; интегральное описание языка; Московская семантическая школа; семантический анализ; контекстный анализ.

Го Лицзюнь, д. филол. н., доцент
Университет имени Сунь Ятсена, г. Чжухай, КНР
guolj5@mail.sysu.edu.cn

**РЕАЛЬНЫЙ ПАЦАН И НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА:
РАЗГРАНИЧЕНИЕ СИНОНИМОВ В АСПЕКТЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА**

Статья является промежуточным результатом проекта Китайского национального фонда общественных наук «Семантическое исследование фокусирующих наречий в русском и китайском языках в рамках теории синтаксической семантики Московской семантической школы» (грант № 15СYY050).

В китайском языкознании большой интерес вызывают исследования российских лингвистов в области лексической семантики, в частности результаты работы Московской семантической школы (МСШ) [2; 7], изучением научной деятельности которой автор статьи, как и некоторые другие китайские лингвисты, занимается на протяжении долгого времени [3; 11-14]. **Актуальность** работы обусловлена интересом к применению иностранными лингвистами результатов исследований российских ученых в области лексической семантики.